

А.А. БЕЛЬСКАЯ, кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой журналистики и связей с общественностью
Орловского государственного университета
Тел. (4862) 550-518; aa_bel@mail.ru

ИМЯ НАТАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН» И ТЕЗОИМЕННЫЕ ГЕРОИНИ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматриваются особенности формирования микротекста имени Наталья в творчестве Пушкина и в романе Тургенева «Рудин». Исследование семантической и функциональной специфики поэтонима позволяет установить аналогии, общность/различие в изображении мотивировки поведения, поступков, психологии, событий жизни, судеб тезоименных героинь писателей и в системе авторских оценок.

Ключевые слова: Наталья, поэтоним, микротекст, тезоименные героини, семантика, функция, аналогия, идеальный женский тип.

Романы И.С. Тургенева тесно связаны с культурой XIX века в целом и антропонимической действительностью того времени, в частности. Отличительной особенностью поэтики «Рудин» (1855) является небольшое количество персонажей, которых писатель идентифицирует и локализует во времени и пространстве посредством антропонимов. Имена второстепенных персонажей и эпизодических лиц выполняют в романе, как правило, номинативно-назывательную функцию, центральных героев – характеристически-оценочную. В настоящее время исследования в области литературной антропонимики становятся всё более актуальными. Начало им положила ставшая на сегодняшний день классической монография В.Н. Топорова о «Бедной Лизе» (1995). Затем последовали работы А.Ф. Белоусова «"Вовочка"» (1996), А.Б. Пеньковского «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» (1999), В.Г. Щукина «Верин текст русской литературы: заметки к теме» (2005), Е.В. Душечкиной «Светлана. Культурная история имени» (2007) и др. (5; 9; 17; 22, с. 52–65). Обращаются учёные (С.М. Аюпов, С.Б. Аюпова, В.А. Мысляков, В.К. Мершавка и Н. Чернышова) к рассмотрению антропонимики романа «Рудин». В поле их зрения оказываются, прежде всего, имена главного героя Дмитрия Рудина (3, 4, 16) и его оппонента Африкана Пигасова (15, с. 63–82). Отдельные наблюдения над женской ономастикой романа даются С.М. Аюповой. Однако признать данную проблему исследованной всесторонне нельзя (Аюпова С.М. И.С. Женская ономастика романа И.С. Тургенева «Рудин» в контексте произведения // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы региональной научно-практической конференции «Язык и литература в поликультурном пространстве». Выпуск 2. – Бирск: Изд-во Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2005. – С. 294–296).

Наша цель – рассмотреть личное имя главной героини «Рудина», учитывая разные факторы: этимологию, семантику, ассоциативный фон, функцию – и выявить общность/

различие её личности, судьбы и тезоименных героинь А.С. Пушкина.

«Натальин текст» отечественной литературы изучен мало. Между тем носительницами имени Наталья/Наташа являются многие героини русских писателей. Так, Тургенев в романе «Рудин» называет главную героиню Натальей (Наталья Алексеевна Ласунская), именем, которое является, пожалуй, одним из самых значимых в жизни и в творчестве Пушкина. Напомним, что одна из первых возлюбленных поэта – Наталья Кочубей, последняя – Наталья Николаевна Гончарова; в семье поэта было три Натальи (жена, дочь¹, тёща); первое дошедшее до нас пушкинское стихотворение – «К Наталье» (1813); через два года появляется стихотворение «К Наташе»; героиня баллады «Жених» (1825) – Наташа; главная героиня «Графа Нулина» (1825) – Наталья Павловна; младшая дочь Кочубея в «Полтаве» (1829) – Наталья; в неоконченном романе об арапе Петра Великого невесту Ибрагима зовут Наталья Гавриловна (Наташа). Кроме того, имя Наталья поэт намеревался дать главной героине «Полтавы», известной как Мария, а Татьяна Ларина в черновиках «Евгения Онегина» названа Наташей («Ее сестра звалась Наташей»). Окончательный авторский выбор имени героини (Татьяна) обусловлен, по мнению Б.М. Гаспарова, тем, что оно «сохраняло просто-народно-провинциальную коннотацию» и «было свободно от нежелательных ассоциаций с амплуа “ingenue”, которыми у Пушкина был первоначально окружен образ “Наташи”» (7).

Действительно, в одном из ранних стихотворений («К Наталье») Пушкин, назвав лирическую героиню Натальей, изображает её кокетливой, легкомысленной, ветреной девушкой. Продолжение этого женского психотипа можно обнаружить в пушкинской поэме «Граф Нулин» в образе молодой помещицы Натальи Павловны. Демонстрируя верность мужу, она отвергает графа, но не отличается при этом нравственной безупречностью. Наталья Павловна вольна в нравах и изменяет мужу с молодым соседом Лидиным. Авторское отношение к данному женскому типу определяется комическим снижением образа героини. Иной психотип представлен в образе Наташи в балладе «Жених»: женственность сочетается в ней с твёрдостью и решительностью характера, «неженская душа» – со смелостью и способностью к героическим поступкам. «Краса-девица» Наташа, бе-

зусловно, входит в галерею идеальных женских образов Пушкина.

Заметим, что имя Наталья появляется в русской литературной традиции задолго до Пушкина и сразу приобретает определённый семантический код. В отечественную словесность оно входит с исторической повестью Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792). Взяв сюжет из русской старины, писатель представляет в лице Натальи тип женщины «с чувствительной, тонко чувствующей душой, с тревожным сердцем, взволнованными романтическими настроениями, исканием чего-то иного» (18,723), с внутренней борьбой между любовью и долгом, с чувством вины и одновременно с силой и твёрдостью характера. В основе повести лежит сюжет о неравной любви, преодолевающей сословные преграды и чудесным образом получающей счастливое завершение.

Позже имя Наталья встречается в поэзии П.А. Катенина (баллада «Наташа», 1814), К.Ф. Рылеева (дума «Наталия Долгорукая», 1823), И.И. Козлова (поэма «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», 1828) и в прозе С.Н. Глинки (религиозно-нравственная повесть «Образец любви и верности супружеской, или Бедствия и добродетели Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала Б.П. Шереметьева», 1815). Из перечисленных авторов первым в отечественной литературе создаёт балладу, в которой представлен «героический» образ народной героини по имени Наташа, П.А. Катенин. Его героиня, беззаветно любящая родину и своего суженого, после его гибели не ропщет («Свято небо ей благое, / Воля Божия свята») и умирает во сне «к жизни с милым». Баллада завершается в тот момент, когда героиня переходит из одной реальности в другую, более возвышенную и более героическую. Выбор имени героини – Наташа – сюжетно оправдан, ибо жених её погибает «в день Бородина» и одновременно в день памяти мученицы Натальи (26 августа по ст. стилю). В отличие от П.А. Катенина, К.Ф. Рылеева, С.Н. Глинки, И.И. Козлова привлекает историческая личность княгини Натальи Борисовны Долгорукой. Кстати, И.И. Лажечников в своём незаконченном четвёртом историческом романе «Колдун на Сухаревой башне» тоже собирался изобразить подвижническую жизнь княгини, ставшей своего рода предтечей декабристок. Все русские литераторы того времени, героизируя образ этой женщины и жизнь, полную страда-

ний, самоотречения, являющую образец высокой жертвенности, христианской любви, аккумулируют в своих текстах разные грани её личности: К.Ф. Рылеев – стойкость и закалённость в минуту трагических испытаний, жертвенность и преданность мужу-изгнаннику; С.Н. Глинка – супружескую верность и самоотверженную любовь; И.И. Козлов – духовный подвиг, обретение в результате тяжелейших жизненных испытаний и страданий высочайшей истины. По сути дела, именно те произведения, в которых фигурируют вымышленные или исторические героини по имени Наталья/Наташа, задают в середине 1810-х – 1820-е годы программу этического поведения русской женщины, осмысляемого как самоотверженное и героическое.

Что касается Пушкина, то в науке неоднократно отмечалось особое место в его жизни и творчестве имени Наталья (11, 20–31). Некоторые учёные считают, что оно играет поистине фатальную роль для поэта, ибо это имя его жены, из-за которой он дрался на дуэли и был смертельно ранен. А.А. Илюшин считает, что имя Наталья в русской литературе – это «бородинское» имя. Связывая полюбившееся Пушкину ещё с отрочества имя с Бородинской битвой, состоявшейся 26 августа, т.е. в Натальин день, учёный полагает, что «Натальино-бородинский миф», своеобразно трансформировавшись, глубоко отражается и в стихах поэта, и в его прозе как некое подсознательное предчувствие своей судьбы. По мнению исследователя, Наташи из произведений П.А. Катенина, А.С. Грибоедова, Л.Н. Толстого «тоже небезотносительны к трагедии 1812 – их имена тоже “бородинские”» (2, стб. 43). Стоит согласиться с учёным, что во многих текстах присутствует идущее от П.А. Катенина соотнесение имени Наталья с Бородинской битвой («Имениница Наташа! / В день твой, в день Бородина...»). Вместе с тем, поэтоним Наталья обладает в отечественной словесности более широким ассоциативным фоном, обусловленным как национальной культурой, так и литературной традицией. Нельзя не заметить, что отношение Пушкина к данному имени претерпевает эволюцию: от первоначальной отрицательной коннотации до героической семантики в балладе в народном духе «Жених», в которой фольклорная фабула включена в обыденную среду, а героиня воплощает национальные черты: покорность родительской (Божественной) воле, нравственное не-

приятие преступления, духовная активность, чувство правды и справедливости. М. Кукулевич и Л.М. Лотман считают, что Пушкин, нарекая купеческую дочь Наташей, устанавливает посредством имени связь между своей героиней и героиней баллады П.А. Катенина. Несмотря на отсутствие прямых параллелей между сюжетами баллад, писатели сходятся в трактовке характера своих Наташ как характера «героического». Правда, балладу «Наташа» учёные признают источником лишь начальных набросков «Жениха» и полагают, что в дальнейшей работе над текстом Пушкин отходит от текста предшественника и имя Наташа, скорее, связывается в сознании поэта с героиней исторической повести М.Н. Карамзина «Наталья, боярская дочь». «В пользу этого предположения», считают исследователи, «говорит» то, что целый ряд лирических сцен III главы «Евгения Онегина», которую Пушкин создаёт одновременно с «Женихом», напоминают аналогичные сцены в «Наталье, боярской дочери» (зарождение любви героини, ее разговор с няней и пр.). Недаром в черновой редакции своей баллады поэт три раза называет героиню Татьяной, а Татьяну Ларину в черновом плане романа – Наташей. «Нам кажется, – пишут М. Кукулевич и Л.М. Лотман, – что оба имени в равной степени являлись для Пушкина символом „старины или девичьей“ и тем самым подчеркивали народный русский колорит романа и баллады» (13, с. 72–91).

Следует отметить, что «Татьяна» и «Наталья» не просто созвучные имена (у обоих есть сегмент “*am*”), они – онимы, которые часто сопрягаются в творчестве Пушкина. В науке существуют различные объяснения притяжения у поэта героинь с именами Татьяна и Наталья (14, с. 111–118). Так, Б.М. Гаспаров сближает Татьяну Ларину («Евгений Онегин») и Наталью Павловну («Граф Нулин») на основании двойственности их авторской характеристики: традиционно-почвеннической и куртуазной. Учёный признаёт, что сочетание западной «фальбалы» и деревенского «здоровья» у Натальи Павловны имеет комически-поверхностный характер и несравним с той серьёзностью, с которой нарисован образ Татьяны. Между тем учёный настаивает, что «схема», по которой строится образ героини «Евгения Онегина», в такой же мере напоминает черты героини «Графа Нулина», в какой обнаруживаются сходства в сюжетной развязке двух произведений. «Двойственность образа “рус-

ской женщины” – воспитанницы французского “пансиона” и “хозяйки” патриархального склада, карамзинской “милой дамы” и шишковской “барыни”, – пишет Б.М. Гаспаров, – была глубоко укоренена в творческом мире Пушкина, по крайней мере, в годы его зрелости. Эта двойственность в полной мере проявилась в обрисовке героини его романа и ее отношения к Онегину» (7). В.А. Кошелев, соотнося героинь, носящих столь значимые в отечественной словесности имена, как «Татьяна» и «Наталья», сравнивает пушкинскую Татьяну Ларину и мифологизированную в русской литературе княгиню Наталью Борисовну Шереметьеву-Долгоруковую, учёный полагает, что их образы объединяет специфически национальная черта – верность не любимому, но соединенному судьбой мужу. Поскольку пушкинская Татьяна поступает в соответствии с литературным образцом, то она, по мнению исследователя, сопоставима с жёнами декабристов (12, с. 28–37).

Надо согласиться, что двух пушкинских героинь – Татьяну Ларину и Наталью Павловну из «Графа Нулина» – роднит построение их образов и противоречивое «двуединство» облика. В свою очередь, Татьяна Ларина и Наташа из «Жениха» обладают общими чертами: потребность любви, нравственная стойкость, достоинство. Между тем нельзя забывать, что каждое имя – это «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» (20, с. 211). Соответственно, сами по себе имена «Татьяна» и «Наталья» выражают разные грани «духовного и душевного» строения личности, в том числе литературных героев. Очевидно, что в образах Татьяны Лариной и Натальи Павловны из «Графа Нулина» запечатлены различные женские психологические типы, а Татьяне Лариной и Наташе из «Жениха» присущи специфические авторские характеристики и оценки. Несмотря на то, что в процессе работы над «Женихом» имя Наталья/Наташа теряет у Пушкина свою амбивалентность и приобретает народную, героическую семантику, оно не содержит той национальной и социальной информации, что имя Татьяна. Оно не просто «приятно, звучно», но и навеивает «воспоминанья старины иль девичьей». Для понимания духовной сущности Татьяны важен исконный смысл её имени (от греч. *Τατιάνη*, *Τατιάνα* – «устроительница», «учредительница»). «Русская душою» Татьяна предстаёт охранительницей высокой нравственности, учредительницей

старинных форм национального быта и бытия, устроительницей семейного уклада, дома в традиционных национальных представлениях. Что касается героини «Жениха», то при выборе её имени Пушкин, скорее всего, руководствуется корневым значением ионима. Купеческая дочь Наташа выступает у поэта олицетворением «рода», носителем родовых прав, родовой чести и таких качеств «народа», как сила характера, мужество, нравственное достоинство. В нелёгкой схватке с судьбой Наташа одерживает победу и из жертвы превращается в разоблачителя, обвинителя и судью жениха-разбойника. Следовательно, в пушкинском понимании именам «Наталья» и «Татьяна» присущ каждому свой культурологический смысловой оттенок.

Вслед за Пушкиным, в русской литературе появляется целый ряд сильных, самоотверженных героинь по имени Наталья/Наташа: жертвенно любящая сына и глубоко страдающая Наталья Степановна (повесть Н.Ф. Павлова «Ятаган», 1835); чувственная Наталья Дмитриевна, открыто проявляющая свои чувства Наталья Васильевна из «Барона Рейхмана» (сборник повестей М.С. Жуковой «Вечера на Карповке», 1837–1838); протестующая и прямо заявляющая свои права на жизнь и счастье Наташа (повесть В.А. Сологуба «Воспитанница», 1846); не желающая мириться с бесправным положением и обличающая пороки жениха Наташа (повесть М.М. Достоевского «Господин Светелкин», 1848) и др.

Как видно, к середине 1850-х годов, когда Тургенев начинает работать над «Рудинным», в отечественном литературном пространстве формируются весьма разнообразные характерологические признаки имени Наталья, и в контекст тургеневского романа оно входит не свободным от разного рода коннотаций, складывающихся в процессе истории существования данного литературного имени, в том числе в текстах Пушкина. Примечательно, что у Тургенева, как и у поэта, встречается два противоположных типа героинь с именем Наталья²: Наталья Петровна Исаева (пьеса «Месяц в деревне», 1850–1855) и Наталья Алексеевна Ласунская (роман «Рудин», 1855). В образе Натальи Петровны, воспылавшей страстью к молодому учителю своего сына Беляеву, Тургенев точно так же, как Пушкин в образе Натальи Павловны из «Графа Нулина», развенчивает женские добродетели. Подобно поэту, Тургенев вскрывает про-

тиворечивость характера носительницы имени Наталья. Правда, двойственность личности тургеневской героини иная, чем у героини «Графа Нулина». Будучи человеком нравственных принципов, Наталья Петровна под влиянием любовного увлечения совершает безнравственный поступок: она эгоистично разрушает чувства своей соперницы Верочки к Беляеву. Хотя для Натальи Петровны любовь не просто развлечение (в комедийном плане это представлено Пушкиным в «Графе Нулине»), в то же время она оценивает своё чувство как болезнь («кажется, я схожу с ума») и осуждает себя за недостойные поступки («комедия, которую я разыграла с Верой, меня возмутила»). В Наталье Петровне, доминантами личности которой являются стихийное, природное начало и изломанная душа, отсутствует целостность. Напротив, героиня «Рудина» – Наталья Ласунская – личность цельная: женственная и волевая, способная к искренней любви и жертвенности, уверенная в своих словах и действиях. В её образе автор не развенчивает, а утверждает значимость «честной, страстной и горячей натуры» женщины (19, с. 294). Как видно, в различных пушкинских и тургеневских текстах имя Наталья имеет неоднозначное аксиологическое значение и семантику. В «Рудине» оно так же, как у Пушкина в «Женихе», освобождается от негативной коннотации и приобретает свойства типичного имени положительной героини. Конечно, Тургенев не творит образ Натальи Ласунской с опорой на прецедент, причём ни на пушкинский, ни на изначальный – карамзинский. Н.М. Карамзин, наметивший в героине «Натальи, боярской дочери» черты натуры романтической, самоотверженной, истинно народной, закрепляет за именем Наталья целый ряд положительных характеристик и изображает в своей повести «восхитительную гармонию» чувств героев. Судьба Натальи Ласунской не напоминает судьбу карамзинской Натальи, как, впрочем, и судьбу пушкинских «положительных» Наташ. В «Рудине» отсутствуют прямые параллели с сюжетом, сюжетными ситуациями баллады «Жених», за исключением, пожалуй, ситуации искушения героини ложным женихом: Дмитрий Рудин с его «умничающей, идейной, сочиненной» любовью (Ю.И. Айхенвальд) предстаёт не тем, кем кажется Наталье («...я в вас обманулась...»). На индивидуальность пушкинской и тургеневских героинь указывают, в частности, разные формы их имени: полное имя Ната-

лья – у Тургенева, деминутив Наташа – у Пушкина. Однако, несмотря на то, что у тезоименных героинь писателей не похожи индивидуальные судьбы и характеры их реализуются в разных сюжетных ситуациях, единое имя вскрывает общность их душевного склада: все они – люди природной стихии и всем им присущ поиск чего-то нового.

Заметим, что в списке и в плане «Рудина» Тургенев называет главную героиню именем Маша, но впоследствии меняет его на Наталью. Происходит это, скорее всего, потому, что в образе романной героини писатель запечатлевает иной тип женщины, чем в повестных Машах. Само собой разумеется, смена имени свидетельствует об общем изменении авторской концепции образа. Заметим, что имя Марья/Маша неизменно ассоциируется у Тургенева со страданиями, горькой судьбой женщины. В окончательном варианте «Рудина» автор использует имя, которое апеллятивно мотивировано в тексте: мощнейшим стимулом в жизни Натальи Ласунской является её природная сила и стойкость.

Одни специалисты по ономастике производят имя Наталья от древнееврейского мужского имени Натан (נְתַנִּים) – «дарованный» или «утешение»; другие полагают, что возникает оно в первые века христианства и образовано от латинского «natalis» – родной, а также от латинского названия праздника Рождества «Natalis Domin» – день Рождества, рождения и означает «родная», «к рождению относящаяся, природная». Считается, что Наталия (Наталья) – это «блистательное имя»: «И фатальное, подвластное небу, и очень земное, витальное, определенное личной жизнью носительницы <...> несет в себе не столько сентиментальную доброту, сколько добротность, сакраментальную веру, что добро, особенно в женщине, всегда преодолевает зло. Имя это в равной степени и женственное, и женское, несущее напоминание о предназначении продолжательницы рода, матери, жены, но и – украшательницы жизни, гармоничного антипода мужчины» (10, с. 134; 139–140). Думается, в сочетании в имени Наталья «неба» и «земли» – «ключ» к пониманию сущности тургеневской героини, в которой соединятся жертвенность и женственность, стремление к общественно полезной деятельности и личному счастью. В свою очередь, в гармоничной противоположности Натальи Ласунской главному герою – Дмитрию Рудину – и, соот-

ветственно, в приоритете женского, родового, природного начала над мужским умозрительным, рефлектирующим – «ключ» к пониманию функции образа главной героини в романе. В «Рудине» возникает традиционная для последующих романов Тургенева оппозиция *сильная женщина/слабый мужчина*. В каждом романе ей присуща своя специфика. Понять особенность данной оппозиции в «Рудине» помогает имя героини. Ещё П.А. Флоренский замечает, что «в имени живет не только семема его, но и морфема» (20, с. 113). Симптоматично, что в романе Тургенева в качестве содержательно-тематических доминант выступают понятия, в которых тот же корень, что и в имени Наталья, – «натура» и «нация». Так, Рудин изображён «гениальной», но лишённой «натуры» личностью. Он вдохновляет Наталью «музыкой красноречия», толкованиями «о свободе, о жертвах», о необходимости «надломить упорный эгоизм своей личности», покоряет энтузиазмом, «честным стремлением к истине и сознанию», но боится «живой» жизни, относится к ней абстрактно, отвлечённо, пасует перед «таинственно-живым» чувством любви. По словам Лежнева, в Рудине «натуры-то собственно в нем нет». Кроме того, «несчастье» героя состоит в том, что «он России не знает» (19, с. 348–349), т.е. оторван от национальной почвы. Напротив, доминантными чертами личности Натальи являются «натура» (воля, чувства, сила) и связь с национальной/природной почвой. Соответственно, у Тургенева чрезвычайно значима информационно-стилистическая функция имени, которое мотивировано в контексте романа и представляет внутреннюю характеристику героини (особенности характера, нравственные качества), репрезентируя статические, постоянные признаки её личности.

Следует отметить, что именные антропонимы у Тургенева не просто называют женские персонажи, но и формируют и раскрывают их образы. Это в полной мере относится как к имени главной героини, так и к имени её матери (Дарья Михайловна Ласунская). Значение имени героини – Дарья, являющегося простонародной формой имени Дария, т.е. женским аналогом мужского имени Дарий (от др.-перс. *داریوش* – «владелец блага»), означает «сияющая, побеждающая», «повелительница», апеллятивно мотивировано в тексте. Дарья Михайловна в пору молодости «сияет» красотой и пользуется большим успехом в свете: «Поэты

писали ей стихи, молодые люди в нее влюблялись, важные господа волочились за ней» (19, с. 247). В зрелом возрасте Дарья Михайловна продолжает жаждать знаков внимания, побед и поклонения окружающих, и, судя по её рассказам, можно «подумать, что все замечательные люди последнего десятилетия только о том и мечтали, как бы повидаться с ней, как бы заслужить ее расположение». Победное, повелительное начало в структуре личности героини усиливает её отчество – Михайловна, в котором, по наблюдению С.Б. Аюповой, «актуализирована сема – покровитель». Желание Дарьи Михайловны покровительствовать отчётливо проявляется в её отношении к Рудину. Гордясь своей «находкой», Дарья Михайловна думает только о том, как будет покровительствовать ему, «выведет» в свет и завоюет новые похвалы. Пытается Дарья Михайловна повелевать также своей дочерью, что, впрочем, ей не удаётся, ибо у Натальи «страсти... сильные и характер тоже ой-ой!» (19, с. 303). Полюбив Рудина, Наталья готова на «насильственное расторжение» связей с семьёй, не боится «гнева» матери. Наталья мечтает о подвиге, о жертве. Показательно, что имя героини – Наталья – в сочетании с отчеством – Алексеевна (от др.-греч. *Ἀλέξω* – «защищаю») означает «родное» – от «природного» до «народного» – «защищающая». Не случайно героине важно видеть в избраннике не только возлюбленного, но и наставника, человека. Рудин не выдерживает испытание любовью, не оправдывает надежд Натальи, и она если не разоблачает, то обвиняет избранника в малодушии (сцена у Авдюхина пруда). Необыкновенную внутреннюю силу Наталья проявляет после разрыва с Рудиным: она стойко переносит разочарование в первой любви, и её «наружное спокойствие» сбивает с толку даже Дарью Михайловну. Очевидно, что в структуре имени центрального персонажа романа – Наталья Алексеевна Ласунская – функцию предикации выполняют ионим и патроним, причём, «доминантным» является личное имя, позволяющее обнажить внутреннюю логику связи между его сферой и сферой судьбы героини, а фамилия Ласунская, носительницами которой выступают различные по душевному устройению мать и дочь, – «второстепенный» компонент.

Что касается главной героини романа, то в связи с её образом автор развивает пушкинскую традицию «идеального» женского типа. В характере

Натали Ласунской прослеживаются ассоциации с «идеальными» литературными героинями поэта. Полагаем, что образ Натали Ласунской, знающей «наизусть всего Пушкина» (19, с. 280), раскрывается на основе национального архетипа – Татьяны Лариной. Подобно пушкинской героине, Натали Ласунская приближена к природе, её началам и в своей жизни руководствуется не доводами разума, а чувствами. Интересна мысль М.О. Гершензона, что в творчестве Тургенева, рассматривающего человека как «природу» и как «личность», чётко выделяются два типа: рефлектирующая личность с разорванно-болезненным сознанием и цельная природная натура (героиня как данность). Именно такой «природной натурой» является Натали, которая, как и Татьяна Ларина, живёт не «умом ума», а «умом сердца» (8, с. 87). Немало общего в структуре личности героинь и их образе их жизни в родительском доме до приезда избранника. Подобно Татьяне, Натали в «семье своей родной казалась девочкой чужой». Как и Татьяна, Натали чувствует «глубоко и сильно, но ... тайно» и жизнь её до встречи с возлюбленным протекает как духовно насыщенная праздность. Хотя мир Татьяны Лариной «космичнее» (звёзды, луна, зори), чем Натали Ласунской, но она тоже тонко чувствует природу. Оба писатели моделируют портреты своих героинь, этическую и эстетическую стороны их личности не только через отношение к природе, но и по книгам. Своеобразие внутреннего мира Татьяны раскрывается посредством круга её чтения, а глубокое проникновение героини в мир Онегина происходит благодаря знакомству с его любимыми книгами. Аналогичная ситуация воссоздана в тургеневском романе. Натали Ласунская знает «наизусть всего Пушкина» (С.VI, 280). Рудин весь погружён «в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир». Он и Натали читает на немецком языке гётевского «Фауста», Гофмана, «Письма» Беттины, Новалиса, увлекаая её за собой в «заповедные страны»: «Неведомые, прекрасные, раскрывались они перед ее внимательным взором; со страниц книги, которую Рудин держал в руках, дивные образы, новые, светлые мысли так и лились звенящими струями ей в душу, и в сердце ее, потрясенное благородной радостью великих ощущений, тихо вспыхивала и разгоралась светлая искра восторга...» (С. VI, 290). В науке неоднократно отмечалось, что в «Рудине» Тургенев

использует «онегинскую» фабулу: разочарованный, рефлектирующий дворянин приезжает из Петербурга в усадьбу; здесь он встречает молодую барышню, воплощающую в себе «родное», «национальное»; она первая, руководствуясь чувством, делает шаг навстречу счастью и получает охлаждающий ответ избранника; история их взаимоотношений заканчивается расставанием и разочарованием. «Онегинская» фабула выступает в романе неким интертекстуальным фоном, которая осложняется любовным треугольником. Вместе с тем судьба Натали Ласунской лишь отчасти «повторяет» судьбу Татьяны Лариной.

«Тургеневским девушкам», галерею которых начинает главная героиня «Рудина», присущи основные качества пушкинской Татьяны – инстинкты самосознания, самобытности, самостоятельности» (И.А. Гончаров). Между тем прав Л.И. Шестов, что в отношении к женщинам и любви Тургенев «гораздо дальше от Пушкина, чем это принято думать». При внешнем сходстве тургеневских идеальных женщин с Татьяной Лариной они созданы «не по образу и подобию» пушкинской героини. У поэта Татьяна является «весталкой, приставленной охранять священный огонь высокой нравственности». У Тургенева женщина – «вдохновительница, руководительница и даже судья над мужчиной» (21, с. 21). Действительно, Тургенев не создаёт своих героинь по образу и подобию Татьяны. Писатель, в частности, отступает от пушкинской традиции обрисовки женского характера как воспитанницы французского «пансиона» и «хозяйки» патриархального склада. Будучи «дочерьми Татьяны», тургеневские героини олицетворяют дух и настроения другой эпохи. Они самостоятельны, независимы и устремлены к «великой цели». Для большинства из них избранник – не только возлюбленный, но и учитель жизни, задающий ценностные ориентиры. Недаром в романах Тургенева, помимо традиционных «онегинских» ситуаций: «усадебная любовь», идейный спор (Рудин – Пигасов), – присутствует чисто тургеневская ситуация идейного влияния, ученичества. Для Натали Ласунской Рудин становится «наставником, вождем», который воодушевляет «новыми, светлыми мыслями», побуждает её к внутренней работе (19, с. 290). Она, в свою очередь, предъявляет избраннику требования высокой нравственности и общественного служения. Недаром ситуация любовного rendez-vous, являющаяся сюжет-

но-композиционным центром повествования в тургеневском романе, неизменно сводится к тому, что писатель «ставит своего центрального героя перед ожиданиями, обращенными на него любящей его сильной, нравственно цельной и возвышенной женской натуры, готовой поверить ему и пойти за ним на страдания и жертвы ради предполагаемых у него высоких идеальных целей и устремлений, а поведение героя на “tendez-vous”, проверка его способностей ответить на эти ожидания и становится для Тургенева главным художественным способом обнаружения общественной и индивидуальной значимости героя, его гражданского и личного достоинства» (6, с. 553–554). Как правило, тургеневский герой не выдерживает испытание любовью, а героиня не только переживает разрыв с избранником как личную драму отвергнутой любви (подобно Татьяне), но и разочаровывается в нём как духовном наставнике и слугителе «общему благу». Показательна гневная отповедь Натальи Рудину: «<...> я не о том плачу, о чем вы думаете... Мне не то больно: мне больно то, что я в вас обманулась <...> Покориться! Так вот как вы применяете на деле ваши толкования о свободе, о жертвах, которые... <...> Но, верно, от слова до дела еще далеко, и вы теперь трусили... <...> кого я встретила здесь? Малодушного человека» (19, с. 324–326). Надо согласиться с И.Ф. Анненским, что тургеневская женщина, «даже не властвуя», «всегда смела или, по крайней мере, сильна» (1, с. 150). Соответственно, тургеневские героини обладают иными личностными чертами, чем Татьяна Ларина. Они не стремятся, подобно пушкинской героине, стать только «верною супругой», им важно быть помощницей мужчины «в великом деле его жизни». Наталье Ласунской, помимо скрытой Татьяниной страстности, глубины чувств, искренности и способности к самопожертвованию, присущи также твёрдость, постоянная «внутренняя работа мыслей», «совершенно честная и прямая» душа (19, с. 336). Главными для Натальи являются ценность самостоятельного, индивидуального постижения мира и активная жизненная позиция. Не удивительно, что Наталья не становится покорной дочерью своей матери, которая советует ей «слушаться» всегда материнских советов и никогда не забывать, что она – Ласунская и её, Дарьи Михайловны, – дочь (в отличие от Татьяны, которая по-детски наивно оправдывает своё замужество «заклинаниями» и

мольбами матери: «Меня с слезами заклинаний / Молила мать...»). Не желая ничего слышать о господине Корчагине, «светском льве, чрезвычайно надутым и важным», к которому очень благоволил Дарья Михайловна, Наталья выходит замуж за Волынцева, который «любит её от души» (19, с. 345; 351). Думается, различия индивидуальных черт пушкинской и тургеневской героинь обусловлены, наряду с неповторимостью понимания писателями женской «идеальности», тем, что Татьяна является носителем греческого имени, а Наталья – римского имени, и, значит, оно больше сопряжено со свободой, активностью, силой характера. Симптоматично, что доминантными качествами тургеневской героини являются нравственный максимализм, решительность, бескомпромиссность, которые отсутствуют в Татьяне Лариной, но есть в пушкинской Наташе из «Жениха». Таким образом, имя тургеневской героини создаёт широкие ассоциации для читателя.

Принято считать, что, обманувшись в Рудине, Наталья Ласунская «принуждена уступить обстоятельствам и внешне примириться с ними» (19, с. 567). Одной из таких «уступок» учёные называют её замужество. Представляется, что оно наполнено в семантике романа другим смыслом. Следуя в определённой степени парадигме тех качеств, которые были связаны с литературным именем Наталья/Наташа: самоотверженность, жертвенность, героическое, – Тургенев использует его в индивидуальной эмоционально-смысловой интенции. У писателя коннотативное значение имени Наталья близко к его толкованию священником Павлом Флоренским: «Наталия – честное имя, но жизнь трудная». Примечательно, что после расставания с Рудиным в сюжетной линии тургеневской героини особое значение приобретает мотив «света-тьмы»: «Вспомнила Наталья свое детство, когда, бывало, гуляя вечером, она всегда старалась идти по направлению к светлomu краю неба, там, где заря горела, а не к темному. Темна стояла теперь жизнь перед нею, и спиной она обратилась к свету...» (19, с. 339). Любовь в конечном итоге приводит героиню к познанию двух амбивалентных категорий: *свет/тьма*. Разрыв с Рудиным нарушает привычное отношение Натальи к миру, смещает обращённость к свету. Наталья страдает «мучительно». Между тем она, по утверждению автора, способна к возрождению: «Много еще предстояло ей тяжелых дней, ночей, бессонных,

томительных волнений; но она была молода – жизнь только что начиналась для нее, а жизнь рано или поздно свое возьмет» (19, с. 341). «Победа» жизни сказывается в том, что Наталья становится женой и, как утверждает Лежнев, «счастлива» в браке. Именно судьбы Натальи и Лежнева, предпочитая Дом, спокойную семейную жизнь, проясняют основную оппозицию романа – *приют/бесприютность* и авторские слова в финале романа: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый уголок... И да поможет Господь всем неприютным скитальцам!» (19, 368). Мысль о неприютности, одиночестве человека в мире уравнивается в романе, наряду с признанием «бесконечности» человека во времени и «безграничности» в пространстве (Рудин), мотивами «смирненной прозы» бытия: дом, кров, семья (Наталья, Лежнев). Соответственно, для автора одинаково значимыми являются как интеллектуальные, нравственные запросы героини, так и её витальная сила. Хотя Тургенев не показывает семейного счастья Натальи, вместе с тем её имя соотносится в тексте не только с ценностно-значимым («свет», «светлые мысли», «благородная радость великих ощущений», «святая искра восторга», «способна понять самопожертвование: она сама умеет пожертвовать со-

бою»), но и с природным, порождающим (от лат. *natalis* – относящийся к рождению) и потому истинным. В сюжете героини получают развитие (правда, с разным наполнением) почти все ключевые мотивы романа: поэзия/драма первой любви, разочарование/превращение (в конце романа Рудин – повстанец, Наталья – жена), национальное/природное, дом/бездомность. Следовательно, имя Наталья является существенным элементом не только характерологии, но и сюжетостроения.

Итак, в «Рудине» Тургенев включается в формирование микротекста имени Наталья в русской литературе (позже его употребляют С.Т. Аксаков в повести «Наташа», Ф.М. Достоевский в романе «Униженные и оскорблённые», Л.Н. Толстой в романе-эпопее «Война и мир», В.В. Крестовский в «Петербургских трущобах», И.А. Гончаров в «Обрыве», Б.К. Зайцев в «Золотом узоре», И.А. Бунин в «Суходоле» и «Натали», М.А. Шолохов в «Тихом Доне» и др.). Исследование семантической и функциональной специфики поэтонима позволило не только установить аналогии между образами тезоименных героинь Пушкина и Тургенева, но и выявить общность/различие писателей в изображении мотивировки их поведения, поступков, психологии, событий жизни, судеб, а также в системе авторских оценок.

Примечания

¹ Кстати, в 1876 году дочь Пушкина Наталья Александровна передаст Тургеневу письма отца к матери для публикации, чем вызовет недовольство братьев.

² Имя Наталья встречается у Тургенева также в «Степном короле Лире» (Наталья Николаевна) и в замысле политического романа «Natalia Karovna» («Наталья Карповна»).

Библиографический список

1. Анненский И. Символы красоты у русских писателей // Анненский, И. Книги отражений [Текст]. – М.: Наука, 1979.
2. Антропонимия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин [Текст]. – М.: Интелвак, 2001.
3. Аюпов С.М. Эволюция тургеневского романа 1856–1862 гг. [Текст]. – Казань: КазГУ, 2001.
4. Аюпова С.Б. Философия и мифология имени героя в романе И.С. Тургенева «Рудин» // Ономастика Поволжья: Материалы X Международной научной конференции. Уфа, 12–14 сентября 2006 г. [Текст]. – Уфа: БГПУ, 2006.
5. Белоусов А.Ф. «Вовочка» // Антимир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература [Текст]. – М.: Ладомир, 1996.
6. Виноградов И. Духовные искания русской литературы [Текст]. – М.: Русский Путь, 2005.
7. Гаспаров Б.М. Финал «Евгения Онегина» [Текст]. Электронная публикация. URL: <http://www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=261>.
8. Гершензон М. Мудрость Пушкина [Текст]. – М.: Книгоиздательство писателей, 1919.
9. Душечкина Елена. Светлана. Культурная история имени [Текст]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
10. Имя – судьба [Текст]. – М.: Современный писатель, 1993.

11. Илюшин А.А. «Бородинское» имя жены Пушкина // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы [Текст]. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993.
12. Кошелев В.А. Татьяна Ларина и «русская традиция» // Проблемы современного пушкиноведения [Текст]. – Псков, 1991.
13. Кукулевич М., Лотман, Л.М. Из истории русской баллады Пушкина «Жених» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. АН СССР. Ин-т лит. / Отв. ред. Д.П. Якубович. Т. 6 [Текст]. – М.; Л.: АН СССР, 1941.
14. Медриш Д.Н. «Ее сестра звалась Наташа» [Текст] // Русская речь. – М., 1993. – № 2. – С. 111–118.
15. Мершавка В и Чернышова Н. Психология создания художественного типа [Текст] // Развитие личности. – М., 2008. – № 3.
16. Мысляков В.А. Белинский и Тургенев. Об антропонимике романа «Рудин» // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества [Текст]. – Л.: Наука, 1990.
17. Пеньковский А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Изд. второе, доп. [Текст]. – М.: Индрик, 2003.
18. Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. – Т. 1. – Вып. 2 (XVIII век) [Текст]. – СПб.: Типография СПб. Т-ва Печ. и Изд. Дела «Труд», 1910.
19. Тургенев И.С. Рудин [Текст] // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 28-ми тт. С. Т. 6. – М.–Л.: АН СССР, 1964.
20. Флоренский П.А. Имена [Текст] // Флоренский П.А. Соч. В 4-х т. Т. 3 (2). – М.: Мысль, 1999.
21. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности [Текст]. – М.: АСТ, 2000.
22. Щукин В.Г. Верин текст русской литературы: заметки к теме [Текст] // Славянские Чтения IV. – Daugavpils-Rezekne, 2005.

A.A. BELSKAYA

**NAME NATALIA IN THE CONTEXT OF TURGENEV'S NOVEL «RUDIN»
AND PUSHKIN'S TEZONAME CHARACTERS**

Article is devoted to the features of creation of the micro text for the name Natalia in Pushkin's art and in Turgenev's novel «Rudin». The research of semantics and functional peculiarities of the poetonym let single out parallels, similarities/differences in depiction of motives of behavior, actions, psychology, life events and fates of the tezoname characters of the authors as well as in authors' evaluation systems.

Key words: Natalia, poetonym, micro text, tezoname characters, semantics, function, analogy, ideal women type.